

графадэрывацыя (“*MyZZаряд*”), нумералізацыя (газета ГГМУ “36,6”), крэалізацыя “*Спорт life*”, “*Гомель Live*” і інш). Выбар стратэгіі, тактыкі, спосабу намінацыі абумоўлены шэрагам фактараў: спецыфікай названага СМІ, матывамі, намерамі, моўным густам намінатара; інтарэсамі, патрэбамі, каштоўнасцямі карыстальніка медыяпрадукцыі.

Такім чынам, гемеронімы Беларусі развіваюцца ў рэчышчы структурных асаблівасцей і намінацыйных тэндэнцый, уласцівых сусветнай гемераніміі. Гемеронімы характарызуюцца экстралінгвістычнасцю, выконваюць шэраг сацыяльных функцый, цесна звязаны з масавай камунікацыяй, грамадскай свядомасцю, з сацыяльным і духоўным жыццём грамадства.

Вынікі атрыманы ў рамках рэалізацыі НДР “Перыферыйны анамастыкон Беларусі: лінгвістычны і экстралінгвістычны аспекты” (№ дзяржрэгістрацыі 20211415) ДПНД “Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы” на 2021-2025 гг. пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь.

Літаратура

1. Крюкова, И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности / И.В. Крюкова. – Волгоград: Перемена, 2004. – 288 с.
2. Переход, О.Б. Гемеронимия в ономастическом пространстве Беларуси: структурная специфика / О.Б. Переход // Весн. Брэсц. ун-та. Сер.3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – № 2. – 2021. – С. 77–86.

Т.И. Синкевич

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: sintat@inbox.ru

УДК 83’373’2:821.161.1

Марк Шагал и Витебск: социолінгвістычэскі аспект

Ключевые слова: *историко-культурное наследие, авангардное искусство, языковые особенности, аллюзия, национальные черты, знаки.*

В статье рассматривается творческое наследие М. Шагала на фоне социального и культурного пласта развития общества в XIX–XX вв. Нами отмечено стремление авторов рассмотреть волнующие всех в то время вопросы и проблемы окружающей действительности с разных позиций, что способствовало в дальнейшем появлению многоплановости в искусстве, языке и литературе.

T.I. Sinkevich

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Marc Chagall and Vitebsk: sociolinguistic aspect

Key words: *historical and cultural heritage, avant-garde art, linguistic features, allusion, national traits, signs.*

The article examines the creative legacy of M. Chagall against the background of the social and cultural layer of the development of society in the XIX–XX centuries. We noted the desire of the authors to consider the issues and problems of the surrounding reality that were of concern to everyone at that time from different positions, which further contributed to the emergence of diversity in art, language and literature.

В XIX–XX вв. Витебск стал центром культурного развития губернии, по праву превратившись в художественно-литературную столицу белорусского региона. В сложных противоречивых условиях формируется новая художественная культура, в которой все же преобладают национальные черты народов, населявших ее в то время. Анализ творческого наследия

наших великих земляков (Т. Доленга-Мостовича, Н. Хомского, М. Шагала, К. Малевича и др.) позволяет нам говорить о том, что каждый из них представляет собой индивидуальность, темы и образы их произведений не похожи друг на друга, но это важный историко-культурный источник, показывающий реалии жизни того времени. Все они имеют свои индивидуальные черты, но их объединяет стремление рассмотреть волнующие всех в то время вопросы и проблемы окружающей действительности с разных позиций, что и способствует в дальнейшем появлению многоплановости в искусстве, языке и литературе.

Как нельзя лучше об этом сказано в стихотворении Г. Айги «Казимир Малевич», где с помощью сложного переплетения интертекстуально-интермедийных аллюзий словами и линиями, образованными знаками тире, нарисована общая картина авангардного искусства XX в.:

город – страница – железо – поляна – квадрат:
– прост как огонь под золой утешающий Витебск,
– под знаком намека был отдан и взят Велимир,
– а Эль он как линия, он вдалеке для прощанья,
– это как будто концовка для Библии: срез-
– завершение – Хармс.

Тут и знаменитый Черный квадрат К. Малевича, и Витебск, почти всегда присутствующий в картинах М. Шагала, и «намеки слов» В. Хлебникова и его Слово об Эль, где поэт пытается описать буквы на языке тригонометрии: Эль – путь точки с высоты, / Оставленный широкой / Плоскостью; в контексте стихотворения Эль может быть понято одновременно и как аллюзия к части псевдонима художника-графика Л.М. Лисицкого (Эль Лисицкого). Концовкой же этой эпохи становится Д. Хармс, абсурдистское творчество которого уподоблено «концу света», предсказанному Библией. Таким можно себе представить Витебск в начале XX в., сложный, яркий, со своей аурой, не похожий ни на один другой город.

Марк Шагал (Мойша Сегал) родился в 1887 г. в Витебске на Покровской улице в обычной еврейской семье, «укорененной» в местечковый быт, живущей в границах оседлости, которые были определены еще Екатериной II для компактного проживания евреев. В 1907 г. приехал в Петербург, брал уроки у Л. Бакста. В 1910 г. уехал в Париж изучать современное искусство, был знаком с П. Пикассо, А. Модильяни, Ф. Леже и др., там и сформировался его неподражаемый особый стиль. С 1914 г. по 1922 г. жил в России, а в 1922 г. навсегда уехал в Париж. Во время Второй мировой войны уехал в США, после окончания войны вернулся в Париж, но больше никогда не был в Витебске, хотя родной город всегда жил в его сердце.

Представление о том, каким был старый Витебск в начале XX в. (см. выше и стихи А. Айги), Витебск детства и юности М. Шагала, можно получить, прочитав автобиографическую повесть С.Я. Маршака «В начале жизни»:

«Почти полгода после отъезда нашего из Воронежа прожили мы у дедушки и бабушки в городе Витебске... Я был слишком мал, чтобы по-настоящему заметить разницу между Воронежем... и этим еще незнакомым городом... Но все-таки с первых же дней я почувствовал, что все здесь какое-то другое, особенное: больше старых домов, много узких, кривых, горбатых улиц и совсем тесных переулков. Кое-где высятся старинные башни и церкви. В каждом закоулке ютятся жалкие лавчонки и убогие, полутемные мастерские жестянщиков. Лудильщиков, портных, сапожников, шорников. И всюду слышится торопливая и в то же время певучая еврейская речь, которой на воронежских улицах мы почти никогда не слыхали [1, 27].

В то время в городе над Двиной (по данным переписи населения Российской империи, а данные собирали по религиозному и сословному составу населения, язык не всегда учитывался) насчитывалось 65,9 тыс. жителей, а по национальному признаку распределение населения было таковым: 50,8% – евреи, русские – 28,9%, белорусы – 12,2%, поляки – 5%, латыши, литовцы, немцы, украинцы – по 0,1% и др. национальности – 0,2%. По переписи 1926 г. в Витебске уже было почти 99 тыс. человек, а еврейское население

составляло почти 53% [3, 231]. Неудивительно, что город и горожане (часто родные и близкие художника) навсегда запечатлены на его полотнах. Например, на картине «Скрипач» (1912–1913 гг.) изображен скрипач, танцующий на крыше. Это дядя М. Шагала, он забрался туда, чтобы спокойно попить киселя, уйти от суеты, поразмышлять. А размышлять было о чем, ведь скрипач был рядом в самые важные моменты жизни человека: он присутствовал при рождении и смерти.

Еврейские традиции имели огромное значение для художника, он очень трепетно относился к семье, близким, родным местам. Образы влюбленного художника и его музы-возлюбленной в подвенечном платье парят над Витебском, Парижем; а возле них козы со скрипками, ангелы, цветы, зарисовки Витебска и пейзажи Парижа – все это отсылает нас к мистическому прочтению Песни Песней. В соответствии с еврейскими традициями и прочтением Песни Песней, Жених (царь Соломон) – символ Мужского начала в Боге, а невеста воплощает собой Женское начало. Эти два начала были разлучены (одни считают, что это произошло в день грехопадения, другие – после падения Иерусалимского Храма и изгнания евреев со Святой земли), об этом знал М. Шагал, а потому увековечил в божественном единении свой образ и образ Беллы, как образ физической и духовной близости, дающей начало новой жизни.

Марк Шагал в своей книге «Моя жизнь» писал: «Я всегда помню о Витебске и очень люблю его: у меня нет ни одной картины, на которой Вы не увидите фрагменты моей Покровской улицы. Это, может быть, и недостаток, но отнюдь не с моей точки зрения [2, 656]. Собственно и сами названия картин мастера говорят о его любви к родному городу, семье: «Вид из окна в Витебске» (1908), «Рождение ребенка (1911), «Витебский проповедник» (1914), «Улица» (1914), «Над городом» (1914–1918), «Купание ребенка» (1916), «Прогулка» (1917–1918), «Часы с синим крылом» (1949) и др. В Париже, в Нью-Йорке, в Сен-Поль де Ванс родная земля, отчий дом цвели на его холстах. Эйфелева башня у него стоит на курьих ножках, подобно видениям его родной земли, как в сказках бабушки Бешевы. Париж он называл своим вторым Витебском. Р.Рождественский, побывав у него в Париже, напишет об этом так: «...он тянется к Витебску, словно растение...»; «... тот Витебск его – пропыленный и жаркий – приколот к земле каланчою пожарной»; «...там свадьбы и смерти, моления и ярмарки»; «...там зреют особенно крупные яблоки, и сонный извозчик по площади катит», мир мастера базируется не только на его таланте художника, но и на бедности, нищете, эмиграции, оторванности от родных и дорогих сердцу мест и людей, на боли, грусти и одиночестве. В одном из своих писем мастер писал: «...когда я здесь в Париже живу и работаю одинокий», а слово Paris, написанное по-французски так выбивается из всего того, о чем будет сказано в письме по-русски [3].

В своих стихах чуть позже М. Шагал напишет:

Я – из Витебска, где сквозь тлен
Старый Пэн берет меня в плен,
хоть холодных ветров торжество
над забытой могилой его [2, 21].

В стихотворении чувствуется скорбь, одиночество и боль, адресованная не только учителю, но и самому себе. И. Пэн дал М. Шагалу путевку в жизнь, и он будет помнить об этом всегда, несмотря на разногласия и недопонимание.

Многие детали его стихотворений перекликаются с фрагментами его картин: «Во мне грустят кривые улочки, надгробья серые – на склоне, где лежат в горе благочестивые евреи» речь идет о Старосеменовском кладбище, что на Юрьевой горке, там покоится прах его учителя – И. Пэна).

Художник часто вспоминал своего учителя, детство. В стихотворении «Ангел над крышами» он пишет: «Ты помнишь меня, мой город, мальчишку, ветром надутый ворот... Река их памяти испей-ка и вспомни вновь юнца, того, что на твоих сидел скамейках и ждал призванья своего» [2, 81].

В его творчестве есть трогательная поэтичность, наивность и ностальгия по тихой провинциальной жизни родного города, в картинах и стихах переплелись библейские легенды, фольклорные образы, персонажи цирка, люди и предметы. В конечном итоге все это и есть человеческая жизнь...

Когда-то А. Вознесенский написал стихотворение «Васильки Шагала», где есть такие строки: «Их витражей голубые зазубрины – с чисто готической тягостью вверх. Поле любимое, но небо возлюблено. Небом единым жив человек» и дальше: «В небе коровы парят и ундины. Зонтик раскройте, идя на проспект. Родины разны, но небо едино. Небом единым жив человек». Став признанным мастером, получив награды, объехав полмира, он всегда возвращался (мысленно!) в свой город, на кривую улочку, до боли знакомую, на самую мягкую и лучшую в мире мамину постель, возвращался к родной земле своих предков.

Своеобразным манифестом любви к Витебску стало его обращение «К моему городу Витебску», опубликованное 15 февраля 1944г. в Нью-Йорке в газете «Единство»: «Давно уже, мой любимый город, я тебя не видел, не слышал, не разговаривал с твоими облаками и не опирался на твои заборы. Как грустный странник – я только нес все годы твое дыхание на моих картинах. И так с тобой беседовал и, как во сне, тебя видел... .. Лучшее, что я могу пожелать себе – чтобы ты сказал, что я был и остался верен тебе. А иначе бы я не был художником!» [2, 654].

О творчестве М. Шагала написаны сотни книг и научных исследований, но мир, выраженный в его картинах, остается загадкой. Прыгающие козы, скрипачи на крыше, церкви и синагоги Витебска, летящие над городом возлюбленные и т.п. – все это не просто необычно, но и несколько странно, но это его видение реального мира. Его картины полны алогичности иррационализма, но вместе с тем и любви к родному городу и его обитателям, любви, которую он пронес через всю свою жизнь.

Картины, письма, стихи – везде мы чувствуем присутствие художника, вместе с ним любим и ненавидим, веселимся и печалимся, но везде и во всем его особый почерк, его жизнь и судьба.

Литература

1. Маршак, С.Я. В начале жизни (Страницы воспоминаний). Собр. соч. в 8 т. Т.6. / С.Я. Маршак. – М.: Художественная литература, 1971. – 365 с.
2. Шагал, М. Моя жизнь / М. Шагал. – М., 1994. – 658 с.
3. Витебск: Энциклопедический справочник / гл. редактор И.П. Шамякин. – Минск: БелСЭ им. П. Бровки, 1988. – 408 с.
4. Ракитин, В.И. Марк Шагал. 1887–1985 / В.И. Ракитин. – М.: Искусство XXI век. – 472 с.